

Практика третейского разбирательства в России: 1992–2015 гг.

М. Э. МОРОЗОВ, председатель Сибирского третейского суда,
старший преподаватель экономического факультета
Новосибирского государственного университета;
sibts@yandex.ru

В статье рассматриваются проблемы формирования судебной практики по делам, связанным с третейским разбирательством в постсоветский период.

Ключевые слова: *судебная практика, третейское соглашение, компетенция, независимость, беспристрастность, оспаривание решения.*

Развитие третейского разбирательства в России прошло достаточно большой путь. В последнее время произошли два важных события — ликвидация Высшего Арбитражного Суда РФ и начало реформирования законодательства о третейском разбирательстве. Именно ВАС РФ обеспечивал формирование судебной практики. Это дает повод подвести некоторые итоги. В период действия Временного положения о третейском суде для разрешения экономических споров (далее — Временное положение) практика также формировалась, но более активно практика стала формироваться с принятием Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации».

Судебная практика не избежала зигзагов, но в итоге по многим вопросам сформировались вполне отчетливые векторы ее развития. Интересно вспомнить наиболее знаковые прецеденты и подходы к рассмотрению дел, связанных с третейским разбирательством, которые надолго определили формирование судебной практики. Еще более интересно проследить, разрешаются ли эти проблемы в проекте закона «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации»¹ (далее — проект закона), который находится на рассмотрении в Государственной Думе.

Прежде всего, стоит отметить, что само изменение законодательства автоматически сделало неактуальными многие правовые позиции, сформулированные судами. Самое кардинальное изменение касалось объема проверки решения третейского суда. По Временному положению проверялась законность решения, а по вновь принятому закону обязанность проверки касалась только соблюдения основополагающих принципов российского права. Поэтому имеет смысл обращать внимание только на правовые позиции, которые относятся к базовым положениям третейского разбирательства, которые не затронуты изменением правового регулирования.

Одним из примеров такой неоднозначной практики послужила внутренняя инструкция Министерства юстиции для своих территориальных

¹ Проект ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации»: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=788111-6&02> (дата посещения — 05.08.2015).

подразделений. Документ был создан в 2010 году и официально не публиковался, но подразделения Минюста стали претворять его в жизнь. Касательно третейских судов там было указано на недопустимость использования словосочетания «третейский суд» в наименованиях некоммерческих организаций. Это вызвало череду предписаний этим НКО. Поскольку разрешение этих споров отнесено к ведению судов общей юрисдикции и отследить весьма сложно, районные суды принимали по этому вопросу прямо противоположные решения. Таким образом, правомерность включения в название этого словосочетания до сих пор остается под вопросом. Проектом закона установлены требования к наименованию суда, но вопрос о допустимости использования слов «арбитраж» и «третейский суд» не урегулирован.

Период действия Временного положения не был богат знаковыми решениями судов. Самыми важными были: Определение Конституционного Суда РФ от 13.04.2000 № 45-О «Об отказе в принятии к рассмотрению обращения Независимого арбитражного (третейского) суда при Торгово-промышленной палате Ставропольского края о проверке конституционности статьи 333 ГК Российской Федерации», установившее, что третейский суд не входит в судебную систему России, и Постановление Президиума ВАС РФ от 10.04.2001 № 3515/00 по делу № 26-23, сформировавшее подход, что из компетенции третейских судов исключены гражданско-правовые споры, если они осложнены публичным элементом (в том случае речь шла о договорах на приватизацию). В тот период этот судебный акт не вызвал особой дискуссии, но именно этот подход получил развитие через 10 лет, устанавливая ограничения компетенции третейского суда при малейшем подозрении на публичность. Указанный период отличался тем, что судебные дела редко доходили до высших судебных инстанций, а потому судебная практика не отличалась системностью и ее формирование происходило на региональном уровне, исходя из сложившихся здесь подходов. Как в тот период, так и дальнейшем ее формирование обеспечивалось за счет арбитражной практики, суды общей юрисдикции почти не принимали в этом участие.

После принятия Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации» бросалось в глаза, что государственные суды отказывались воспринимать положение о том, что решение третейского суда не перепроверяется ими по существу. Это породило в течение нескольких лет множество судебных актов, где выдача исполнительного листа рассматривалась судами как «апелляция» и решение проверялось на законность и обоснованность. Последствием этого были многочисленные указания в судебных актах, что решение нарушает конкретные нормы закона или даже не соответствует сложившейся судебной практике. Достаточно непростым был вопрос о пределах исследования решения третейского суда, а именно: что собой представляет запрет пересмотра спора по существу. Особой проблемой стала степень необходимого вмешательства для недопущения нарушения основополагающих принципов права. Одним из таких ярких примеров был вопрос о возможности оценки судом применения ст. 333 ГК РФ, где был сделан вывод о том, что оценка соразмерности неустойки не является вмешательством в существо дела². Однако в целом нужно отдать должное Высшему Арбитражному Суду Российской Федерации: в период своей деятельности он последовательно

² Постановление Президиума ВАС РФ по делу № 16497/12 от 23.04.2013.

пресекал попытки такого пересмотра и четко ограничивал пределы вмешательства.

Естественным продолжением этого процесса была выработка понятия «основополагающие принципы права». На первом этапе инерция судебной практики о необходимости соблюдения закона привела к любопытному повороту — в массовом порядке стали появляться решения судов, где не расшифровывалось, какой именно принцип права суд посчитал нарушенным, или же указывалось на нарушение принципа законности. В итоге практика стала формировать подход, что решение третейского суда может не соответствовать закону, но не может нарушать лишь базовые принципы российского права. Особенность формирования этого положения состоит в том, что оно происходило на уровне кассационных инстанций, которые раскрывали содержание понятия «основополагающие принципы права»³.

На протяжении всего времени действия закона оставалась проблема противостояния третейских и государственных судов относительно запроса материалов дела, документов о создании третейского суда и регламента третейского суда. Компетентные суды запрашивали документы без обращения стороны процесса, что прямо противоречит положениям процессуальных кодексов. Эта проблема была предметом рассмотрения и на страницах журнала «Третейский суд»⁴. Запрос регламента вполне правомерен и вызван как раз ненадлежащим регулированием, поскольку нет единого общедоступного реестра ни третейских судов, ни их процедурных документов. Например, на Украине Минюст выполняет эту функцию и у судов не возникает проблем с получением такой информации.

Существовала проблема отсутствия регулирования процедуры обеспечения иска по определениям третейских судов в судах общей юрисдикции, поскольку такой порядок отсутствовал в ГПК РФ. Верховным Судом РФ было разъяснено, что это делает районный суд на основании определения третейского суда в том же порядке, что и при рассмотрении других обеспечительных мер⁵.

Вопрос правовой силы решения третейского суда всегда был предметом внимания общества. Поэтому массу споров породило установление Росреестром порядка осуществления регистрационных действия в сфере недвижимости на основании решений третейских судов⁶. Так, было закреплено, что регистрационные действия могут быть осуществлены, только если обе стороны подадут заявление или если на решение третейского суда выдан исполнительный лист. То обстоятельство, что решение третейского суда о признании права собственности не требует выдачи исполнительного листа ввиду того, что нет предмета для исполнительного производства, этот орган не смутило.

³ См., напр., Постановление ФАС Московского округа от 23.08.2005 по делу № КГ-А40/6775-05.

⁴ См.: Морозов М. Э. Полномочия суда на истребование материалов третейского дела // Третейский суд. 2015. № 2/3 С. 235–250.

⁵ Обзор судебной практики ВС РФ за первый квартал 2010 г., утв. Президиумом ВС РФ 16.06.2010.

⁶ См.: Письмо Федеральной службы государственной регистрации от 21.05.2012 № 14-3648-ГЕ «О некоторых вопросах государственной регистрации прав на основании решений третейских судов». 25.01.2012 // Севастьянов Г. В. Правовая природа третейского разбирательства как института альтернативного разрешения споров (частного процессуального права). СПб.–М. 2015. С. 225–237.

Ключевым элементом в третейском разбирательстве всегда служили подходы, формирующие **требования к третейскому соглашению**. Так было сформировано несколько важнейших позиций:

— *допустимость альтернативных оговорок*, т. е. возможность передать спор в арбитражный или конкретный третейский суд по выбору истца⁷. Этот вывод суда нельзя назвать безупречным. Передача дела в третейский суд это как раз отказ от рассмотрения спора государственным судом. Может ли быть такой отказ половинчатым — большой вопрос. С практической точки зрения, это решение вопроса позволило существенно повысить вариативность выбора формы защиты;

— *необходимость идентификации в третейском соглашении организации, при которой создан третейский суд, или указания иных признаков, по которым можно точно идентифицировать суд*. Это положение закрепилось на уровне кассационных инстанций⁸. Такой подход государственных судов возник в связи с достаточно большим количеством третейских судов с одинаковыми названиями;

— *достаточность общих полномочий на заключение сделки для заключения третейского соглашения*⁹. Указанный прецедент разрешил давний спор о необходимости специального указания в доверенности на заключение сделки, права передачи спора в третейский суд. ВАС РФ четко разделил процессуальные полномочия, предусмотренные АПК РФ, и полномочия на заключение договора с третейским соглашением. Как продолжение этой позиции можно рассматривать другой вывод о возможности возникновения процессуальных полномочий представителя из обстановки¹⁰;

— *допустимость включения третейского соглашения в сделки с участием потребителей*. Проблема арбитрабельности таких споров была давно. Судебная практика давала множество самых противоречивых подходов по этому вопросу. ВАС РФ признал третейское соглашение ущемляющим права потребителя¹¹. В отличие от него Верховный Суд РФ, к чьей прямой компетенции относится решение этого вопроса, признал допустимость третейского разбирательства с участием потребителя¹². Подержал в последующем эту позицию и Конституционный Суд РФ¹³.

Тесно смыкается с этим вопросом и вопрос о расширительном толковании договора присоединения. Это вызвано конструкцией п. 3 ст. 5 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации» о недопустимости включения туда третейского соглашения. Суды весьма часто воспринимают понятие договора присоединения в самом широком смысле, включая в него все случаи, когда договор заключается с помощью заранее разработанных одной стороной типовых форм. Такая позиция входит в явное противоречие

⁷ Постановление Президиума ВАС РФ № 11196/11 от 14.02.2012.

⁸ См., напр.: постановление ФАС Западно-Сибирского округа по делу № А45-19382/2010 от 24.02.2011 и ФАС Центрального округа по делу № А64-4198/2010 от 01.02.2011.

⁹ См.: Постановление Президиума ВАС РФ № 18170/09 от 01.06.2010 и Постановление Президиума ВАС РФ № 12311/10 от 12.04.2011.

¹⁰ Постановление Президиума ВАС РФ № 1332/14 от 24.06.2014.

¹¹ Постановление Президиума ВАС РФ № 3364/13 от 17.09.2013.

¹² Обзор судебной практики Верховного суда РФ за 4 квартал 2011 г., утв. Президиумом ВС РФ 14.03.2012.

¹³ Определение Конституционного Суда РФ от 04.10.2012 № 1831-О.

с устоявшимся в гражданском праве понятием, но расширение границ понятия «договор присоединения» происходит и по настоящее время. Этот законодательный прием был применен для защиты стороны, воля которой при заключении договора деформирована. Однако, поскольку можно было оспорить третейское соглашение лишь по способу заключения договора, то сторонам стало выгодно доказывать не деформацию воли, а пытаться все сделки свести к договору присоединения. Любопытно, что из ст. 7 проекта Федерального закона «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» положение о недопустимости включения третейского соглашения в договоры присоединения вообще исчезло, несмотря на всю остроту проблемы.

Вопросы компетенции

Самым спорным был тезис о *арбитрабельности споров о признании прав на недвижимое имущество*. Указанная проблема одна из самых длительных, спорных и вызывающих крайне острую юридическую полемику. Достаточно вспомнить, что еще в XIX веке именно из-за рассмотрения третейскими судами споров о недвижимости государство обратило на них внимание, указав, что это способ уклонения от уплаты крепостных пошлин. Эта ситуация послужила тогда причиной проведения реформы законодательства о третейских судах¹⁴. И в XXI веке похожая проблема приковала внимание государства к третейским судам и обвинениям их в злоупотреблении — как итог опять реформа! Более 10 последних лет происходили колебания практики по этому вопросу. Стоит отметить, что практика арбитражных судов и судов общей юрисдикции существенно различались. Если в системе арбитражных судов отказ в выдаче исполнительных листов на решение третейского суда происходил по разным основаниям (в основном признавая наличие в них публичного элемента, а значит неарбитрабельность), то суды общей юрисдикции такой проблемы не видели. Промежуточным итогом стало знаменитое Постановление Конституционного Суда РФ¹⁵, признавшего эти споры арбитрабельными и указавшего, что публичная составляющая сама по себе не ограничивает компетенцию третейского суда. Но еще более любопытной была реакция арбитражных судов: довод о публичности исчез, но появился новый — имитация гражданско-правового спора для обхода ограничений при государственной регистрации¹⁶. Проект закона решает этот спор введением обязанности получать исполнительный лист на решение третейского суда, если оно влечет внесение изменений в государственные реестры.

Практика по вопросу *арбитрабельности споров из госконтракта* испытывала колебания достаточно долгое время, однако ВАС РФ поставил

¹⁴ Подробнее по истории этого вопроса см.: Волков А. Ф. Торговые третейские суды. СПб., 1913. С. 90.

¹⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 26.05.2011 по делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 11 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункта 2 статьи 1 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», статьи 28 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», пункта 1 статьи 33 и статьи 51 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)» в связи с запросом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации.

¹⁶ См., напр., Постановление ФАС Поволжского округа от 21.08.2012 по делу № А65-12284/2012.

точку в этом вопросе, признав неарбитрабельность спора¹⁷. Основанием к этому послужил довод о наличии в этих спорах публичного элемента и значимость их для государства. Проект закона также признает эти споры неарбитрабельными, но не до конца, поскольку предполагается (в ч. 8 ст. 13 положения о введении закона), что они могут рассматриваться лишь третейским судом, учрежденным государством по отдельному закону.

Признаны неарбитрабельными и споры, вытекающие из договора аренды лесов¹⁸. Основанием послужила все та же публичная составляющая. Высший Арбитражный Суд РФ существенно изменил практику, установив неарбитрабельность корпоративных споров¹⁹, ссылаясь на установление ст. 33 АПК РФ специальной подсудности. Подход смешения понятий подсудности и компетенции критиковался, но это никак не изменило позиции судов. Любопытно отметить, что проект закона исходит из прямо противоположной позиции, считая эти споры вполне арбитрабельными даже в той части, где присутствует множественность субъектов.

Относительно *правовой силы решения третейского суда* интерес представляет позиция, определившая, что вынесенное третейским судом решение не может служить основанием для возложения субсидиарной ответственности на лицо, не являющееся стороной третейского соглашения.²⁰ Таким образом, ВАС РФ лишил решение третейского суда, даже с выданным исполнительным листом, такого свойства, как обязательность, не говоря уже о преюдициальности. В последнем вопросе точку поставил Конституционный Суд РФ, указавший, что обстоятельства, установленные решением третейского суда, не являются преюдициальными²¹.

Отдельный блок вопросов, где заметны существенные колебания судебной практики, это вопросы о **действительности третейского соглашения и процедуры его оспаривания**.

Проблема обострилась отчасти в связи с тем, что многие пытались решить вопрос аффилированности третейских судей, навязывания третейского соглашения через процедуру оспаривания третейского соглашения. Ключевой темой было: кто и в каком порядке должен разрешить вопрос о действительности третейского соглашения. Определение компетенции третейского суда в силу ст. 17 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации» производится самим третейским судом. Тем не менее, проблема определения с компетенцией возникает часто до обращения в третейский суд, и здесь необходимо определить саму возможность арбитражного суда рассматривать такой спор.

Не допускается оспаривание третейского соглашения до вынесения третейским судом определения о компетенции, исходя из принципа компетенции компетенции²². Однако, теоретически верный подход не закрепился на местах и практика по этому вопросу так и не обрела единообразия. В итоге сформировались различные подходы: это компетенция исключительно

¹⁷ Постановление Президиума ВАС РФ № 11535/13 от 28.01.2014.

¹⁸ Постановление Президиума ВАС РФ № 11059/13 от 11.02.2014.

¹⁹ Определение ВАС РФ № 15384/11 от 30.01.2012.

²⁰ Постановление Президиума ВАС РФ № 15554/13 от 11.02.2014.

²¹ Определение Конституционного Суда РФ № 851-О от 28.05.2013.

²² Определение ВАС РФ № ВАС-3040/9 от 01.04.2009.

третейского суда, это должен решать компетентный суд в исковом порядке, и особая позиция — это компетенция суда общей юрисдикции, поскольку спор не носит экономический характер. В большей степени в практике закрепился второй подход, когда арбитражные суды рассматривают спор по правилам искового производства с применением норм гражданского права²³. В научной доктрине есть разные точки зрения на природу третейского соглашения. В судебной системе такие колебания также не редки. Бывает, что судебная практика исходит из договорной теории третейского соглашения (признания третейского соглашения гражданско-правовым договором) и применения гражданского права в качестве источника разрешения споров о действительности третейского соглашения.

Требования к составу суда и третейским судьям

С учетом того, что спор рассматривает не аппарат суда, а конкретные третейские судьи, вопрос о требованиях к третейскому судье приобретает особую значимость. Важным шагом, получившим развитие в судебной практике, стал Приказ Торгово-промышленной палаты России № 39 от 27.08.2010, утвердивший «Правила беспристрастности и независимости третейских судей».²⁴ Это стало ответом на практику формирования подходов о пределах допустимой связи стороны и арбитра.

По уровню накала страстей самым впечатляющим было формирование *принципа объективной беспристрастности*. Введение этой новеллы в право на несколько лет закрепило в качестве господствующего подход, при котором устанавливалась презумпция нарушения принципа беспристрастности при выявлении связи между учредителями суда и одной из сторон. Независимость конкретных арбитров не была в этом случае предметом рассмотрения в суде. Одним из первых в этом вопросе было дело, установившее запрет участия учредителя в качестве стороны третейского разбирательства²⁵. Чуть позднее эти положения были развиты, и сформулированы основания, при которых принцип беспристрастности считается нарушенным²⁶. Разрушение этой скороспелой доктрины совершил Конституционный Суд РФ, установивший, что оценивать следует независимость конкретных арбитров, а связь учредителей суда лишь должна учитываться при оценке возможного нарушения принципов²⁷. В дальнейшем уже Верховный Суд РФ развил эти положения, установив критерии определения независимости²⁸.

Взгляды на **возможность участия третьих лиц в третейском разбирательстве** имеют различия. Проблема в том, что возможность их участия законом никак не регулируется. Но для специалистов в области третейского разбирательства разрешение этого вопроса не представляет особой сложности. В третейском процессе эта возможность ограничена рамками

²³ См., напр., один из последних прецедентов: Постановление ФАС Поволжского округа по делу № А65-28275/2012 от 28.05.2014, хотя таких примеров можно найти достаточно много.

²⁴ Правило о беспристрастности и независимости третейских судей // Третейский суд. 2010. № 5. С. 17–28.

²⁵ Определение ВАС РФ № ВАС-11755/10 от 02.03.2011.

²⁶ Постановление Президиума ВАС РФ № 17020/10 от 24.05.2011.

²⁷ Постановление Конституционного Суда РФ № 30-П от 18.11.2014.

²⁸ Определение Верховного суда РФ по делу № 304-ЭС14-495 от 24.02.2015.

третейского соглашения, что делает затруднительным привлечение третьих лиц. Большая часть судебных актов исходит из того, что это возможно только с согласия сторон. Именно восприятие третейского суда как слепка государственного суда и приводит к парадоксальной практике и наличию в судах прямо противоположных подходов. Стала распространяться позиция, что привлечение третьих лиц это обязанность третейского суда, а ее нарушение — нарушение основополагающего принципа права на защиту.²⁹ При этом игнорируется невозможность привлечь в третейское разбирательство третьих лиц без третейского соглашения. Устанавливая обязанность привлечения третьих лиц, арбитражные суды не раскрывают ни механизм такого привлечения, ни основания включения в третейское разбирательство лиц, не заключавших третейское соглашение. Практику по этому вопросу нельзя считать устоявшейся, несмотря на позицию ВАС РФ, что *третейский суд вправе привлекать третьих лиц в процесс*³⁰ (хотя, это сказано по ходу и с учетом конкретной ситуации). Проект закона обходит молчанием этот вопрос.

Правопреемство в третейском разбирательстве

*Третейское соглашение сохраняется при цессии*³¹ — это важнейший прецедент, сделавший практику единообразной. Судебный акт ВАС РФ разрешил наболевший вопрос. Подход ВАС РФ в этом вопросе является действительно взвешенным и демонстрирующим понимание природы третейского разбирательства. Это положение получило закрепление в проекте.

Оспаривание решения

По вопросу возможности оспаривания решения третейского суда основные проблемы судебной практики были сконцентрированы на определении круга лиц, которые вправе оспаривать решение третейского суда. Формулировка закона о том, что право на оспаривание есть только у сторон, на сегодня расширена до лиц, права которых затронуты решением. Поддержан этот подход и п. 6.3 Постановления Конституционного Суда РФ № 10–П от 26.05.2011, установившим, что право на оспаривание решения имеют лица, в отношении прав и обязанностей которых вынесено решение. Таким образом, можно констатировать, что правом на оспаривание решения третейского суда обладают не только стороны третейского разбирательства, но и лица, права которых затронуты решением. Соответственно, перед судебной практикой стоит вопрос о выработке критериев, по которым можно определить, насколько затронуты эти права.

*Учредитель стороны не может оспаривать решение*³² и, в развитие, *оспаривать решение могут только стороны*³³.

²⁹ Один из самых ярких примеров такого подхода: Постановление ФАС Уральского округа № Ф09-1329/14 от 10.04.2014.

³⁰ Определение ВАС РФ № ВАС-17990/09 от 28.01.2010.

³¹ Определение ВАС РФ № 15887/09 от 20.04.2010.

³² Определение ВАС РФ № 17990/09 от 29.09.2010.

³³ Определение ВАС РФ № ВАС-18133/09 от 28.01.2010.

*Решение отменить нельзя, если на него выдан исполнительный лист*³⁴. Решением по этому вопросу ВАС РФ прекратил достаточно распространенную практику оспаривания решения, если не удалось добиться отказа в выдаче исполнительного листа.

Проблемой, хотя и не столь острой, был вопрос о возможности оспаривания окончательного решения третейского суда. Судебная практика подтвердила недопустимость оспаривания окончательных решений, за исключением отдельных случаев. Одно из таких исключений: *оспаривание окончательного решения допускается, если им нарушены основополагающие принципы права*³⁵.

Особое место занимает вывод ВАС РФ о *допустимости утверждения мирового соглашения третейским судом после вынесения решения*³⁶, но до обращения за выдачей исполнительного листа. Этот подход интересен тем, что он ориентирован на необходимость учитывать задачи правосудия и его эффективность, но он прямо противоречит положению, что третейские судьи лишаются полномочий в момент вынесения решения.

Анализ сложившейся судебной практики позволяет сделать вывод о том, что подходы Высшего Арбитражного Суда РФ к регулированию отдельных вопросов третейского разбирательства вполне способствовали развитию третейского разбирательства и формированию благоприятной практики. Большая часть его постановлений базируется на понимании природы и особенностей третейского разбирательства. В то же время в вопросах компетенции третейских судов взят курс на ее ограничение. Несмотря на позитивную цель, весьма негативную роль сыграла доктрина объективной беспристрастности. Начавшаяся после нее «охота на ведьм» привела к незначительным результатам в плане пресечения злоупотреблений, но доверие к третейским судам подорвала. Подходы к увеличению круга лиц, могущих оспорить решение третейского суда, изменение сроков выдачи исполнительного листа вкупе с настороженным отношением к институту третейского суда резко снизили эффективность третейского разбирательства, затормозив его развитие.

Если обратить внимание на подходы судов по более частным вопросам, а особенно взглянуть на региональную практику, то видно, что уровень понимания природы третейского разбирательства и его регулирования значительно ниже. Чем ниже инстанция, тем в меньшей степени учитываются особенности третейского разбирательства. Последнее особенно характерно для регионов, где третейское разбирательство слабо развито. Это касается практики по вопросам участия третьих лиц, действительности третейского соглашения, требований к третейским судьям. Судебные акты Конституционного Суда РФ почти всегда способствовали решению спорных вопросов с учетом природы третейского разбирательства и подчеркивали роль и значение третейских судов в системе защиты прав. То, что они не всегда претворялись в жизнь и зачастую игнорировались властью, это уже другая проблема.

Произошедшая ликвидация ВАС РФ вызвала множество последствий, в том числе и для третейского разбирательства. Прежде всего, это связано

³⁴ Постановление Президиума ВАС РФ № 15477/09 от 25.02.2010.

³⁵ Постановление Президиума ВАС РФ № 2070/10 от 29.06.2010.

³⁶ Постановление Президиума ВАС РФ № 16434/11 от 07.07.2012.

с перераспределением компетенции в пользу судов общей юрисдикции. Была изменена сложившаяся практика, по которой требования к поручителям рассматривал арбитражный суд, если основной договор носил предпринимательский характер. Верховный Суд РФ в Обзоре за I квартал 2015 г. указал, что такие споры в силу субъектного состава рассматривает суд общей юрисдикции. Это уже сегодня вызвало увеличение потока дел в суды общей юрисдикции. И здесь юристы столкнулись с тем, что в отличие от устоявшейся практики арбитражных судов в судах общей юрисдикции отсутствуют представления о третейском суде и особенностях рассмотрения дел, с ним связанных. Все те проблемы, которые казались лет десять уже как пройденные в арбитражных судах, вновь с нуля рассматриваются в районных судах. Особенно печально, что для судов общей юрисдикции арбитражная практика ничего не стоит, а практика Верховного Суда РФ почти отсутствует. Эту ситуацию усугубили «родовые травмы», присущие судам общей юрисдикции, связанные с ориентацией на большую защиту гражданина как слабой стороны. Как итог, в последние годы начинается формирование антиарбитражных подходов в судебной практике судов общей юрисдикции, которые не могут не вызывать удивление. К ним можно отнести: вменение обязанности третейскому суду уведомить гражданина по месту его регистрации; установление порядка уведомления договором; игнорирование судами отсутствия у третейского суда возможности узнать адрес гражданина. Кроме того, суды считают, что право на оспаривание решения третейского суда абсолютно, и ни соглашение сторон, ни Федеральным законом «О третейских судах в Российской Федерации» не могут лишать сторону этого права³⁷.

Пожалуй, самая одиозная практика связана с пониманием значения правил третейского разбирательства. Отсутствие понимания такого разделения приводит государственный суд к выводам, что правилами не может быть установлен порядок формирования состава суда, поскольку это противоречит ст. 9 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», закрепляющей выбор арбитров исключительно сторонами и только коллегиально³⁸.

Перед теми третейскими судами, которые переживут реформу, возникнет непростая задача наладить профессиональное взаимодействие с судами общей юрисдикции. Очевидно, что процесс формирования единообразной практики будет происходить гораздо более медленно и процесс выработки единого подхода на первых парах сместится в каждый конкретный субъект федерации. Каково будет отношение Верховного Суда РФ к третейским судам, остается только гадать, поскольку до настоящего времени по сути никакого отношения не было в силу того, что и практика была мизерной. Теперь понимание, что есть и альтернативные способы разрешения споров начнет формироваться с передачей полномочий Высшего Арбитражного Суда РФ Верховному Суду РФ и увеличивающимся числом споров. Преодоление законности калужской и рязанской и переход к единой общероссийской это уже следующий этап развития.

³⁷ См.: апелляционное определение Иркутского областного суда по делу № 33-10411/13 от 20.12.2013.

³⁸ Определение Октябрьского районного суда г. Самары № 15.1-4/15 от 05.05.2015.